

УДК 130.2

Н. П. Волянский

(аспирант кафедры философии)

Донецкий национальный технический университет

(Донецк, Донецкая Народная Республика)

E-mail: sheeeeerlock@gmail.com

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЙ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

***Аннотация.** В статье предпринят критический анализ содержания понятия «культурная память» как объективного механизма функционирования и воспроизводства общественного целого и содержание концепта «историческая память».*

***Ключевые слова:** культурная память, объективный механизм развития, историческая память, идеологическое отражение действительности.*

Культурная память, будучи объективно функционирующим социальным механизмом, обуславливающим преемственное существование поколений в истории, представляет собой имманентно присущую, необходимую и в силу этого неотъемлемую характеристику / свойство человеческого общества в его единстве и развитии. В этом отношении культурная память является первичным понятием по сравнению с термином «историческая память». Для того, чтобы подтвердить данное положение, следует прежде всего обратиться к рассмотрению содержательных определений обоих понятий.

Таковых различными исследователями было выделено немало, однако необходимо остановиться на наиболее точных определениях, отражающих основные черты рассматриваемых концептов. Так, Т. Э. Рагозина определяет культурную память следующим образом: «Культурная память – это имманентное свойство социокультурного организма (общества), состоящее в его способности сохранять себя во всех своих модификациях, воспроизводя условия своего собственного существования на всех этапах развития» [1, с. 14]. Как видим, в данной дефиниции представлены наиболее важные особенности феномена культурной памяти как объективно существующего механизма развития, свойственного развивающемуся

социальному целому. В частности, выделены такие важнейшие свойства, как имманентность культурной памяти социокультурному организму как самоорганизующейся и саморазвивающейся органической системе. То есть, культурная память является не просто механизмом, но механизмом необходимым и естественным, свойственным обществу как развивающейся целостности.

Это логично вытекает из понимания социума не только как надындивидуального, общественного «организма», но и как такой социальной реальности, которая не тождественна с индивидуальными, групповыми (этническими, государственными) и прочими частно-культурными различиями и которая преодолевает их, заключая в себе «в снятом виде».

«Способность сохранять себя» в различных формах общественного устройства позволяет констатировать характер культурной памяти именно как не привнесённого извне общественного механизма, а следовательно – квалифицировать понятие культурной памяти как понятие, обозначающее объективную реальность, в данном случае – объективный механизм сохранения и воспроизводства социально значимого опыта предыдущих поколений, обеспечивающий в себе самом не только сохранение, но и изменение и таким образом приводящий к развитию, вызванному своеобразным накоплением социального опыта и неизбежным в этом случае переходом количественных изменений в качественные – одним из важнейших залогов возможности общественного прогресса.

Кроме того, важно отметить основополагающую черту культурной памяти как механизма социокультурной саморегуляции, определяющую фундаментальную значимость данного понятия для философского анализа общественного развития в целом. Речь идёт об особенности, характеризующей культурную память как таковую – об естественным образом обусловленном механизме сохранения именно в культурной памяти того опыта, который имеет коллективную значимость и делает при собственном сохранении и ретрансляции возможным развитие. При этом «отсеивается» несущественное, а жизненно необходимое и важное сохраняясь становится достоянием общества как такового, не оставаясь, например, этногрупповым (таковое, как мы далее увидим, в большей степени, хотя и искаженное, свойственное исторической памяти).

В сохранённом культурной памятью опыте – культурных нормах, традициях и тому подобном, социальном опыте, имеется ряд важнейших особенностей – прежде всего – общность для всего человечества, в противоположность, свойственному исторической памяти «разделению» на «отдельные», якобы непересекающееся и автономные культурные особенности, свойственные отдельным нациям, народам. Во-вторых – благодаря саморегулирующемуся механизму общественного прогресса, в культурной памяти сохраняется значимое и нивелируются не имеющее важности для прогресса, элементы ведущие к регрессу, индивидуально-групповые отклонения (имеются ввиду не важные для общечеловеческого развития элементы, несущественные «особенности» и т.д.). То есть, образно говоря, «бесполезное» или «неполезное» нивелируется перед естественной необходимостью сохранения «полезного» в отношении развития социального целого. Наконец, культурная память представляет собой механизм единовременной и постоянной фиксации и ретрансляции указанного опыта, который необходимо раскрывается в каждом последующем «витке» развития, так как без подобного опыта невозможно продолжение развития, возобновляющегося только тогда, когда все предыдущие этапы вносят собственный своего рода «отпечаток». Так в некоторой современной технологии с необходимостью базирующейся на предшествовавших ей множествах технологий можно всегда увидеть их элементы, поскольку создание поезда возможно только после изобретения колеса.

Данное сохранение позволяет указать на безошибочность в сохранении культурной памятью действительно наиболее «полезного», так как в противном случае развитие было бы очевидно невозможным.

В подтверждение такой «социальной природы» культурной памяти и необходимого социального компонента в памяти вообще необходимо привести фрагменты понимания памяти известным философом М. Хальбваксом. Прежде всего укажем на следующий элемент – согласно С. Зенкину, переводчику работы Хальбвакса, носящей название «Социальные рамки памяти», на русский язык, «Начав с исследования психологических процессов памяти и с выделения в них социальной составляющей, французский социолог в своих текстах о религии, семье и классах продемонстрировал, как коллективная память становится предметом последовательного и

даже сознательного социального конструирования, как наши представления о прошлом (общественном и даже личном) обуславливаются обстоятельствами нашего коллективного настоящего» [2, с. 24].

Как видим, коллективное, социальное с одной стороны и прошлое с другой – необходимые особенности, формирующие память даже индивидуальную. В подтверждение этих слов исследователь воззрений Хальбвакса, Р. Сабанчеев пишет: «Хальбвакс развивает непривычный для последователей неотрефлексированного и стихийного эмпиризма взгляд, состоящий в том, что память не является индивидуальным процессом хранения впечатлений. С его точки зрения, она не есть нечто, являющееся достоянием отдельного индивида. Человек, не включенный и никогда не принадлежавший ни к какому сообществу, не будет обладать памятью, во всяком случае в том смысле, в котором мы обычно употребляем это слово, - как способностью припоминать и устойчиво воспроизводить во внутренней речи события субъективной реальности или внешнего по отношению к индивиду мира. Более того, он не будет обладать даже чувством реальности, которое, с точки зрения философа, также имеет социальную природу» [3, с. 128].

В противоположность данному понятию, термин «историческая память» фиксирует феномены общественного сознания, которые производны от субъективных установок, намерений и политически мотивированных целей тех или иных социальных групп. Поэтому отнюдь не случайно, что историческую память ряд авторов квалифицируют как «...идеологическое отражение социальной действительности» [1, с. 19], ибо историческая память представляет собой некое отражение определённых событий в сознании социальных групп, этносов, граждан государства и проч. через призму их групповых интересов. Более того: в противоположность культурной памяти, представляющей собой объективный, независимый от общественного мнения механизм существования и развития общества, историческая память представляет собой в значительной степени (а иногда и полностью) явление субъективистского порядка. «В данном случае мы получаем не только исторический релятивизм в виде верного спутника хорошо знакомого нам из истории философии субъективистского взгляда на историю, но и нечто совершенно новое – то, что в своё время Михаил Лифшиц (правда, в

другой ситуации и по другому поводу) охарактеризовал как «род общественного солипсизма» [1, с. 20].

Кроме того, содержание концепта «историческая память» не имеет ничего общего с научным понятием, способным выражать глубинные свойства и характеристики объективных процессов. Это объясняется тем, что в исторической памяти, являющейся идеологическим отражением в сознании индивидов некоторой социальной действительности (нередко выборочной, поскольку историческая память часто предполагает собственно «память» лишь некоторых исторических событий, в то время как иные могут быть забыты, а зачастую – изменены в угоду идеологической позиции), ретранслируются не объективные процессы и не объективная действительность, а находят отражение лишь определённые «моменты» исторической действительности, продиктованные сиюминутной «политической целесообразностью» и представленные в некотором ключе.

Словом, важнейшей стороной и особенностью исторической памяти является собственно политическая составляющая и связанная с ней идеологичность. Она выступает как инструмент создания и ретрансляции некоторой позиции, что чаще всего используется в политических целях. Данный аспект позволяет утверждать, что подобного рода понятийные спекуляции заставляют причислить термин «историческая память» в большей степени к средствам политтехнологического арсенала, нежели к философским понятиям.

Напротив, поскольку культурная память отражает объективно существующий и при этом крайне важный механизм воспроизводства общественной жизни, делающий возможным само общественное развитие, а следовательно и создание феноменов, подобных исторической памяти, постольку культурная память является одним из базовых философских понятий.

Когда Я. Ассман пишет: «память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» [4, с. 81], то это следует понимать таким образом, что в данном случае учёный имеет в виду именно *историческую память*, которая, передавая часто «выгодные» в том или ином контексте события, может «приукрашивать» их, в то время как «невыгодные» события могут быть полностью исключены из такой «истории». Поэтому ничего общего, как замечает исследовать, историческая память не имеет даже с простым научным изложением определённых фактов истории того или иного государ-

ства или народа, не говоря уже о закономерностях развития общества в целом.

Исследователь И. М. Савельева отделяет историческое знание о прошлом (память), представляющее собой собственно научные сведения, от исторической памяти (представлений) о прошлом, которые кардинально отличаются, как научная данность и воззрения в массовом сознании.

Так, И. М. Савельева пишет: «Предложенная интерпретация предполагает, что главными объектами в изучении исторической памяти являются знание о прошлом, существующее в данном обществе в виде образов событий и личностей прошлого, и их фиксация в памяти индивидуальных носителей. Именно поэтому социальный аспект индивидуальной памяти о прошлом связан с формой воздействия, которое общество оказывает и на отбор самого этого знания, и на индивида, определяя состав его знаний о прошлом» [5, с. 410].

Помимо указанного, необходимо отметить, что особенности феномена исторической памяти отделяют его от памяти культурной ещё и в силу того, что культурная память представляет собой общее для всего человечества явление. Историческая же память может выражаться в таких фикциях, как, например, «память английского народа», которая, как правило, может полностью отличаться от «памяти французского народа». Это позволяет не только идеологизировать историческую действительность, но и создаёт иллюзию разобщённости отдельных элементов единого человеческого рода, равно как и иллюзию множественности параллельно совершающихся исторических процессов.

Таким образом, культурная память является своего рода субстратом прошлого в настоящем, позволяющим непосредственно сохранить наиболее значимое из прошлого, воспроизводя его в структурах настоящего в его собственных, а не сконструированных исследователем, параметрах и контурах, в то время как историческая память есть лишь *представление* о прошлом, при этом представление чаще всего политически и идеологически ангажированное и неверное, преследующее определённые цели и созданное для выполнения определённых задач.

Список литературы

1. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. № 3 (15). С. 12-20
2. Зенкин С. Н. Морис Хальбвакс и современные гуманитарные науки // Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое изд-во, 2007. С.7-26.
3. Сабанчиев Р. Ю. Память как культурно-исторический феномен в работах Мориса Хальбвакса // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. № 2 (28) - 2014 – С. 127-132.
4. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности // М.: Языки славянской культуры, 2004. - 368 с.
5. Савельева И. М. Перекрестки памяти / И. М. Савельева // История как искусство памяти / П. Х. Хаттон. – СПб., 2003. – С. 398-421.

N. P. Volyanskiy

(graduate student of the department of philosophy)

Donetsk National Technical University,

(Donetsk, Donetsk People`s Republic)

E-mail: sheeeeerlock@gmail.com

COMPARATIVISTIC ANALYSIS OF THE CONCEPTS OF CULTURAL MEMORY AND HISTORICAL MEMORY

***Annotation.** The article undertakes a critical analysis of the content of the concept of “cultural memory” as an objective mechanism for the functioning and reproduction of the social whole and the content of the concept of “historical memory”.*

***Key words:** cultural memory, an objective mechanism of development, historical memory, an ideological reflection of reality.*